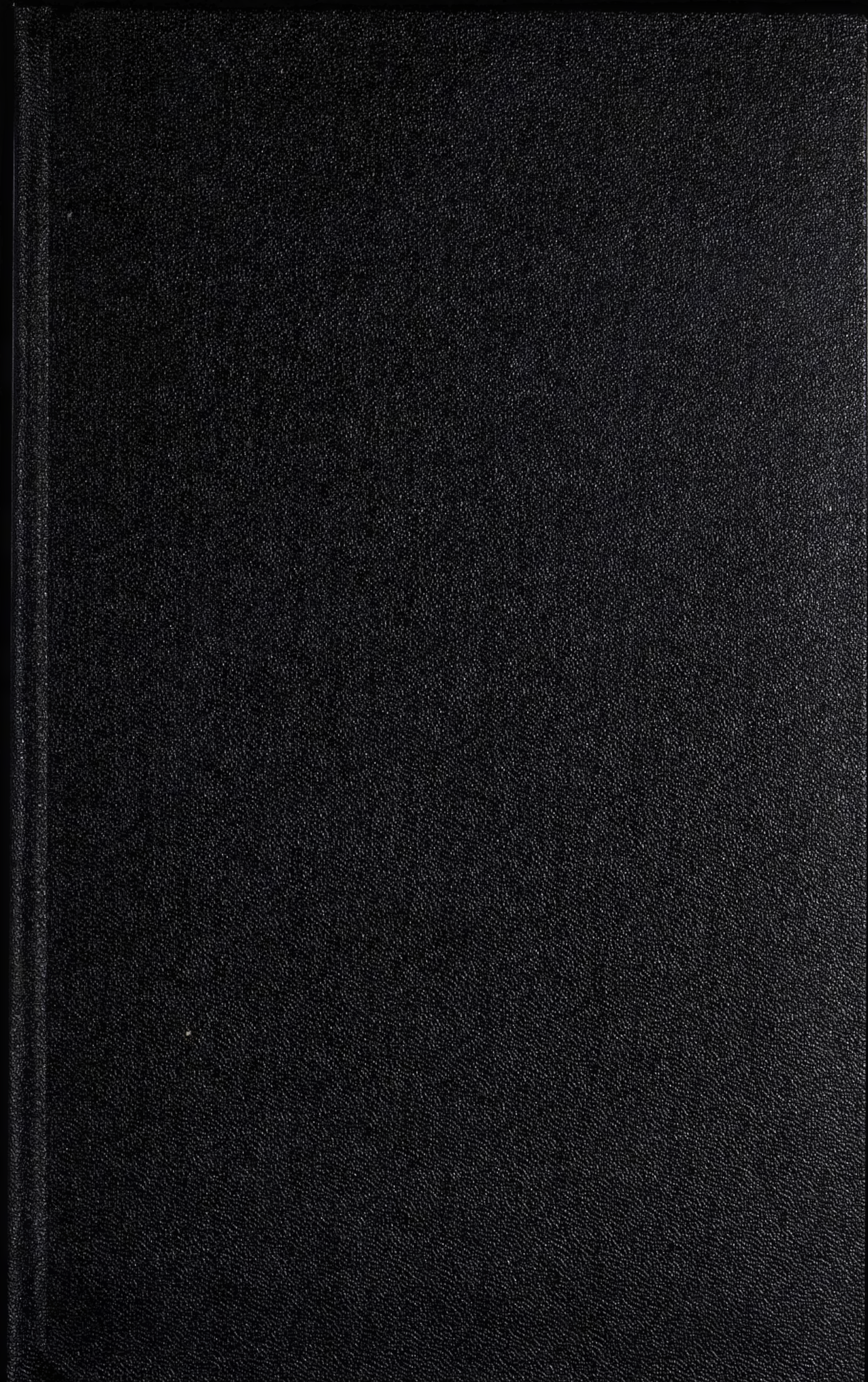

ОИК
1917

7

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ“.

Н. Кабановъ.

О СВОБОДАХЪ ВЪ СВОБОДНЫХЪ СТРАНАХЪ.

Павелъ Сергѣевичъ Воскресенскій

МОСКВА,
Тип. „КУЛЬТУРА“ А. К. Міесеровой Мерзляковскій д. 7. Тел. 3-15-01.
1917 г.

Товарищество „ЗАДРУГА“,

приступило къ изданію серіи народныхъ брошюръ на современныя темы подъ общимъ заглавіемъ:

„ВОЙНА и ТРУДЪ“.

Въ настоящее время вышли брошюры:

№ 1. **Н. П. Огановскій.** „ОТЧЕГО ЗАГОРѢЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА“. Изд. 5-е. Цѣна 15 коп.

№ 2. **К. В. Сивковъ.** „ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ и ТЕПЕРЬ“. Изд. 2-е. Цѣна 15 коп.

№ 3. **С. И. Бондаревъ.** „БУДЕМЪ ТРЕЗВЫ“ Изд. 2-е Цѣна 15 коп.

№ 4. **Николай Огановскій.** „ВРАГИ-ЛИ РУССКОМУ НАРОДУ ЕВРЕИ“. Изд. 2-е, Цѣна 20 коп.

№ 5. **Е. А. Звягинцевъ.** ЧТО ТАКОЕ МЕЛКАЯ ЗЕМСКАЯ ЕДИНИЦА ИЛИ ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО. Ц. 20 к.

О свободахъ въ свободныхъ странахъ.

Въ свободныхъ странахъ жители пользуются свободой или, какъ говорятъ, „имѣютъ права".

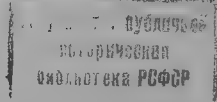
1. Свобода личности.

Главнѣйшее и первѣйшее право, это такъ называемая свобода личности. Всякій человѣкъ имѣетъ право свободно распоряжаться самимъ собой и своимъ трудомъ; а для этого всякій человѣкъ долженъ быть огражденъ законами отъ произвола со стороны другихъ лицъ и въ особенности отъ произвола властей, отъ произвола чиновниковъ и полиціи. Въ западно-европейскихъ государствахъ такое огражденіе отъ произвола чиновниковъ и полиціи достигается различными способами. Особенно интересны въ этомъ отношеніи законы и обычаи Англіи Въ Англіи никто не можетъ быть лишенъ свободы, какъ только по постановленію суда. Всякій, арестованный по подозрѣнію въ какомъ бы то ни было преступленіи или проступкѣ, имѣетъ право потребовать или самъ или черезъ посредство своихъ друзей и знакомыхъ, чтобы его немедленно представили судьѣ. Тюремщикъ или вообще тотъ, кто арестовалъ, въ свою очередь обязанъ представить арестованнаго судьѣ не позже, какъ черезъ 24 часа послѣ ареста. Наконецъ, судья обязанъ немедленно разслѣдовать причину ареста; и если окажется, что не было для того законныхъ основаній, то арестованный немедленно освобождается; если же законное основаніе было, то судья долженъ выдать письменное предписаніе объ арестѣ съ указаніемъ причинъ, и тогда

заключенный остается подъ арестомъ и подлежитъ суду. Такимъ образомъ сколько-нибудь продолжительное пребываніе подъ арестомъ (именно более 24 часовъ) можетъ быть только по постановленію суда; и следовательно, „въ Англіи немыслимо, чтобы кто-бы то ни было сиделъ въ тюрьме, хотя несколько дней, не зная за что онъ сидитъ и какія имеются противъ него улики". (Водовозовъ).

У насъ же, до недавняго времени было совсемъ, можно сказать, наоборотъ, и свободы личности совсемъ не существовало. Городская полиція въ городахъ, сельская полиція въ деревняхъ могли арестовать кого-угодно, безъ объясненія причинъ ареста, выслать въ отдаленныя губерніи, засадить въ тюрьму на долгіе годы, и ни передъ кемъ полиція не отвечала и некому было на нее жаловаться.

Но какъ оградить жителей отъ незаконныхъ арестовъ, хотя бы и кратковременныхъ, хотя бы однодневныхъ? Темъ более, что и кратковременные аресты, но часто повторяющіеся могутъ быть очень большой помехой въ жизни. И вотъ какимъ образомъ достигается въ Англіи огражденіе жителей (гражданъ) отъ незаконныхъ предварительныхъ однодневныхъ арестовъ. Если кто-либо изъ гражданъ былъ арестованъ и затемъ судья призналъ арестъ незаконнымъ и освободилъ арестованнаго, то освобожденный изъ-подъ ареста имеетъ право привлечь къ уголовному суду (т. е. суду присяжныхъ) того чиновника, который выдалъ приказъ объ аресте, а также и техъ, которые исполняли этотъ приказъ; наряду съ этимъ освобожденный изъ-подъ ареста можетъ требовать по суду съ этихъ лицъ денежное вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные арестомъ. Такимъ образомъ отвечаетъ какъ то лицо, которое дало приказъ объ аресте, хотя бы то былъ самъ министръ, такъ и арестовавшій полицейскій и даже тюремщикъ, удерживавшій арестованнаго подъ стражей. Какъ видите, во-первыхъ, и министръ и простой полицейскій подлежатъ одному и тому же суду за свои проступки и преступленія, тому же самому суду присяжныхъ или мировому суду, какому подлежатъ и все прочіе граждане, а во-вторыхъ, полицейскій, арестовавшій кого-либо, или тюремщикъ, державшій

подъ стражей, не могутъ оправдываться тѣмъ, что имъ на-счетъ ареста было дано предписаніе отъ начальства; въ Англіи даже простой полицейскій или мелкій чиновникъ можетъ не исполнять предписанія своего начальства, если онъ считаетъ это предписаніе неосновательнымъ или незаконнымъ, хотя бы то было предписаніе министра; но мало того, исполнившій такое предписаніе даже отвѣчаетъ предъ судомъ за его исполненіе, если предписаніе, дѣйствительно, будетъ судомъ признано незаконнымъ или неосновательнымъ. Такъ „солдатъ, стрѣлявшій по приказу офицера въ мирную толпу, хотя бы даже во время бунта, будетъ неизбѣжно признанъ виновнымъ въ преднамѣренномъ убійствѣ, если будетъ доказано, что приказъ офицера былъ неосновательнымъ“. Даже за исполненіе королевскаго приказа судъ можетъ обвинить, если самый приказъ будетъ неосновательнымъ.

И вотъ страхъ быть наказаннымъ арестомъ и, между прочимъ, поплатиться за это деньгами изъ собственнаго кармана заставляетъ англійскихъ чиновниковъ и полицейскихъ быть очень и очень осторожными въ этомъ отношеніи.

Вотъ почему въ настоящее время предварительное задержаніе до постановленія судьи объ арестѣ случается крайне рѣдко, и полиція, наученная многочисленными штрафами за незаконные аресты, арестуетъ обыкновенно не иначе, какъ по письменному приказу судьи; а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда полиція производитъ арестъ безъ письменнаго приказа судьи, она немедленно отправляетъ задержаннаго къ судьѣ, не дожидаясь, чтобы самъ арестованный потребовалъ этого. Такимъ-то образомъ въ Англіи ограждается законами такъ называемая неприкосновенность личности.

Англійскіе судьи въ этомъ отношеніи очень строги, и тамъ, дѣйствительно, всѣ жители ограждены отъ произвола даже самыхъ высшихъ чиновниковъ, отъ произвола даже самихъ министровъ. Такая добросовѣстность и строгость англійскихъ судей объясняется тѣмъ, что судьи тамъ поставлены вполнѣ независимо; всякія сколько-нибудь важныя дѣла всегда рѣшаются въ судахъ съ присяжными, гдѣ окончательный приговоръ выносится людьми, избранными отъ населенія, а не

чиновниками, подчиненными правительству.

У нась же, до недавняго времени, судъ былъ, наоборотъ, и не правый и не милостивый. Волостные суды были въ рукахъ земскихъ начальниковъ, въ уголовныхъ судахъ съ присяжными (взятыми изъ народа) разбирались дѣла мелкія, незначительныя, а всякія болѣе крупныя дѣла рѣшались въ судахъ съ сословными представителями; въ этихъ судахъ судили не выбранные отъ народа, а предводитель дворянства—ставленникъ помѣщиковъ, городской голова—ставленникъ городскихъ домовладѣльцевъ, и волостной старшина—ставленникъ земскаго начальника. Кромѣ того всѣ судьи были зависимы отъ своего высшаго начальства, отъ министра юстиціи: министръ легко могъ смѣщать неугодныхъ ему судей.

Совсѣмъ не то въ свободныхъ странахъ.

Очень много лѣтъ тому назадъ въ Англіи былъ такой случай: по приказу министра былъ арестованъ типографскій ученикъ; помѣщеніе въ арестномъ домѣ было много лучше, чѣмъ то, въ которомъ онъ жилъ; пищу тамъ ему давали лучше той, которой онъ питался обыкновенно, да и обращались съ нимъ тамъ лучше, чѣмъ дома. Продержали его въ арестномъ домѣ всего 6 часовъ. Судъ выяснилъ, что ученикъ былъ арестованъ безъ основанія, по ошибкѣ; послѣ освобожденія онъ предъявилъ гражданскій искъ къ министру за незаконный арестъ и потребовалъ 3000 руб. вознагражденія. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу ученика, и министръ долженъ былъ ему уплатить 3000 рублей за 6 часовъ незаконнаго ареста.

Наоборотъ, у насъ, до послѣдняго времени, нельзя было привлечь къ суду за беззаконіе или самоуправство, не только министра, но самаго мелкаго чиновника; на привлеченіе къ суду требовалось согласіе высшаго начальства, которое, конечно, почти никогда не позволяло привлекать къ суду своихъ чиновниковъ; если же какой-либо чиновникъ зарвался, проворовался, то судили его не гласнымъ судомъ съ присяжными, а судомъ съ сословными представителями; да и въ такихъ случаяхъ нерѣдко или царь миловалъ потомъ осужденнаго или же начатое судебное дѣло прекращалось, и подсудимый освобождался.

Такимъ образомъ въ Англіи никакія иныя власти, кромѣ судебной, не могутъ подвергать кого-либо наказаніямъ или ограничивать кого-либо въ его правахъ; причемъ всѣ, начиная съ простого рабочаго и кончая министромъ, судятся однимъ и тѣмъ же судомъ, на основаніи однихъ и тѣхъ-же законовъ. Въ Англіи существуетъ дѣйствительно равенство всѣхъ передъ судомъ и закономъ.

Неприкосновенность личности въ Англіи, однако, охраняется не только тѣмъ, что всякій человѣкъ огражденъ законами отъ незаконныхъ арестовъ, для большаго охраненія неприкосновести личности тамъ еще установлены неприкосновенность жилища и неприкосновенность частной переписки, т. е. писемъ.

Неприкосновенность жилища состоитъ въ томъ, что полиція не имѣетъ права войти въ частный домъ, даже переступитъ порогъ частнаго дома, если нѣтъ для этого предписанія отъ суда; и только съ письменнымъ распоряженіемъ судьи о входѣ въ данное жилище, только „именемъ закона" полиція можетъ переступить порогъ частнаго дома.

Діонео разсказываетъ про одинъ очень характерный въ этомъ отношеніи случай.

Лѣтъ пять назадъ Діонео жилъ въ качествѣ нахлѣбника въ одномъ англійскомъ семействѣ. По утрамъ всѣ мужчины уходили на работу и въ домѣ оставались однѣ только женщины. Незадолго передъ тѣмъ хозяйка наняла кухарку, которая оказалась пьяницей и ежедневно напивалась. Наконецъ, это вывело хозяйку изъ терпѣнія, и она велѣла своей кухаркѣ уйти. Кухарка ушла, но вскорѣ вернулась, сильно выпивши; какъ разъ въ это время всѣ мужчины были на работѣ, и хозяйка завтракала съ однѣми только своими нахлѣбницами.

Кухарка пришла въ столовую, гдѣ онѣ завтракали, стала у дверей и начала ругать хозяйку. Сначала хозяйка пробовала не обращать на это вниманія, но кухарка ругалась все сильнѣе и сильнѣе.

— Убирайтесь вонъ! крикнула, наконецъ, хозяйка.

— Вотъ ещё! мнѣ и здѣсь хорошо! Буду стоять и отчитывать васъ при всѣхъ. Пусть эти барыни, сколько ихъ тутъ

есть, всѣ знаютъ, что вы за женщина.

— Я позову полицейскаго!

— Хоть двухъ!

Явился полицейскій и сталъ на крыльцѣ, снаружи дома, *за порогомъ*.

— Полицейскій, уведите эту женщину! Она ругается, какъ въ кабакѣ, сказала хозяйка, блѣдная отъ гнѣва.

— Я не имѣю права войти въ вашъ домъ безъ постановленія судьи, отвѣчалъ полицейскій. Законъ мнѣ разрѣшаетъ это сдѣлать *только* въ случаѣ убійства.

— Дѣлайте такъ, чтобы женщина очутилась за порогомъ на улицѣ. Тогда я ее могу взять.

Но во всемъ домѣ не было ни одного мужчины; барыни же не рѣшались вступить въ бой съ кухаркой, крѣпкой, здоровенной бабой и притомъ выпившей. Получилось крайне смѣшное положеніе. У раскрытыхъ дверей стоялъ полицейскій.

Кухарка, чувствуя себя въ безопасности, снова принялась „отчитывать" хозяйку, какъ говорится, на всѣ корки, а барыни, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали завтракать и вели свой разговоръ. Черезъ полчаса явился сынъ хозяйки. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ вытолкнулъ кухарку, гдѣ ее моментально, подхватилъ полицейскій.

— Вы видите, прибавляетъ Діонео, какъ точно знаетъ полицейскій, что чужое жилище неприкосновенно.

Нечего и говорить, что въ Англіи не можетъ быть и рѣчи объ обыскахъ полиціей въ частныхъ домахъ, когда перероютъ все имущество, захватятъ ваши письма, бумаги, книги. Тамъ это возможно лишь у настоящихъ преступниковъ и непремѣнно по предписанію суда.

Неприкосновенность частной переписки состоитъ въ томъ, что письма частныхъ лицъ на почтѣ не могутъ быть вскрываемы и прочитываемы; только по постановленію судьи съ почты могутъ быть взяты и вскрыты письма даннаго лица, заподозрѣннаго въ преступленіи. Безъ постановленія судьи никто, даже министръ, не могутъ приказывать вскрывать на почтѣ письма, какъ-бы эти письма ни казались подозрительными.

У насъ и въ этомъ отношеніи было совсѣмъ наоборотъ; у насъ царила полная прикосновенность жилища и частной переписки. Полиція могла ворваться въ домъ въ любое время дня и ночи, произвести обыскъ, арестовать.

Что же касается частной переписки, то въ почтовыхъ учрежденіяхъ были особые такъ называемые черные кабинеты; въ этихъ кабинетахъ чиновниками письма вскрывались, прочитывались, и нерѣдко прочитанныя письма служили поводомъ къ преслѣдованіямъ, арестамъ, высылкамъ.

Свобода личности состоитъ однако, не только въ неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища и неприкосновенности частной перепискн; сюда также относится свобода передвиженія.

Свобода передвиженія заключается въ томъ, что всякій гражданинъ независимо отъ своего сословія, вѣры и національности, имѣетъ право свободно избирать и мѣнять мѣсто жительство безъ предварительнаго разрѣшенія мѣстныхъ властей и безъ взятія на то особаго документа, именно паспорта. Всякій знаетъ какую помѣху для свободнаго передвиженія составляли выправка паспортовъ, ихъ прописка.

Въ свободныхъ странахъ паспортовъ нѣтъ. Вы можете поѣхать, куда угодно, остановиться и жить въ любомъ мѣстѣ; никому до этого нѣтъ дѣла, и никому, ни въ какой участокъ ни въ какую волость, вы объ этомъ заявлять не должны: нѣтъ паспортовъ и, слѣдовательно, нѣтъ надобности, ни „прописываться въ полиціи, ни выписываться“. Конечно, иногда и тамъ можетъ потребоваться удостовѣрить свою личность; но сдѣлать это, т. е. доказать, что вы именно то самое лицо, какимъ вы себя называете, вы можете самыми различными способами; или можете представить свидѣтелей, удостовѣряющихъ вашу личность, или письма, адресованныя на ваше имя, или достать письменное удостовѣреніе изъ того мѣста, гдѣ васъ знаютъ и т. д. Само собой разумѣется, что это случается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. И всякій, кто бывалъ за границей, знаетъ, до какой степени отсутствіе паспортовъ облегчаетъ всякое передвиженіе.

2. Свобода вѣроисповѣданія.

Свобода вѣроисповѣданія, или, какъ иначе говорятъ, свобода совѣсти, состоитъ въ томъ, что каждый можетъ совершенно свободно избрать себѣ какую угодно религію и исповѣдывать ее, можетъ перемѣнить свою религію на какую угодно другую, и, наконецъ, можетъ совсѣмъ не исповѣдывать даже никакой религіи.

Всѣ сектанты и иновѣрцы могутъ вполнѣ свободно и открыто совершать свои церковныя богослуженія и обряды, свободно и открыто проповѣдывать. Поэтому никто не можетъ подвергаться преслѣдованію, ни даже быть ограниченнымъ въ какихъ либо своихъ правахъ за ту вѣру, которую онъ исповѣдуетъ; никто не можетъ быть принуждаемъ въ обрядахъ какого-либо вѣроисповѣданія, напр., крестить своихъ дѣтей, говѣть, посѣщать церковь, хоронить по церковному обряду; бракъ по желанію можетъ быть совершенъ не въ церкви, а прямо у нотаріуса (такъ называемый гражданскій бракъ). Но мало того, можно, какъ мы сказали, не имѣть совсѣмъ никакой религіи, ни во что не вѣрить, не исполнять никакихъ обрядовъ и таинствъ; все это считается частнымъ, личнымъ дѣломъ, дѣломъ собственной совѣсти, собственнаго убѣжденія,

3. Свобода печати.

Въ свободныхъ странахъ существуетъ полная свобода печати; всякій можетъ имѣть свою типографію, печатать все, что ему угодно; нѣтъ никакихъ стѣсненій ни для изданія газетъ и журналовъ, ни для изданія всякихъ другихъ книгъ; никакія власти не имѣютъ права запрещать говорить въ газетахъ и книгахъ о какихъ бы то ни было предметахъ и событіяхъ. Тамъ нѣтъ раздѣленія газетъ, книгъ и всякихъ листковъ на запрещенные и дозволенные; тамъ ничего не запрещено, все дозволено; и каждый не только можетъ держать у себя всякія газеты, книги, листки—въ какомъ угодно количествѣ, но и можетъ совершенно свободно распространять

ихъ повсюду; это—право каждаго имѣть свои взгляды, убѣжденія и распространять ихъ.

Конечно и тамъ за противозаконное или безнравственное содержаніе отдѣльныхъ статей или книгъ, за нарушеніе въ нихъ правъ отдѣльнаго лица, за распространеніе лживыхъ извѣстій, позорящихъ кого-либо или вредящихъ кому-либо, сочинитель и издатель подлежатъ суду, но всегда суду гласному, суду присяжныхъ.

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, въ свободныхъ странахъ совершенно отсутствуетъ, такъ называемая цензура печатныхъ произведеній, т. е. такое правительственное учрежденіе, которое слѣдитъ за изданіемъ книгъ, журналовъ, газетъ и даже отдѣльныхъ листковъ. Цензура, недавно еще существовавшая въ Россіи, раньше существовала и на Западѣ, но тамъ она давно уже уничтожена и печать тамъ давно уже пользуется полной свободой. Цензура ограничиваетъ свободу печати и притомъ безъ всякаго суда и слѣдствія. Цензура запрещаетъ печатать книги безъ предварительнаго разрѣшенія въ рукописяхъ, приготовленныхъ къ печати; цензура можетъ вычеркивать все, что ей покажется подозрительнымъ, и тѣмъ можетъ безъ конца уродовать эти рукописи, можетъ даже совсѣмъ запрещать печатать непонравившуюся ей книгу или статью; то же самое она дѣлаетъ съ тѣми газетами и журналами, которые выходятъ съ „предварительной цензурой", т. е. подлежатъ предварительному просмотру въ цензурѣ еще до напечатанія. При существованіи цензуры могутъ быть налагаемы различныя наказанія на газеты и журналы, когда, по мнѣнію цензуры, эти газеты и журналы принимаютъ „вредное направленіе", иначе говоря, когда въ этихъ газетахъ и журналахъ появляются непріятныя для начальства статьи.

Цензура можетъ даже совсѣмъ прекращать газеты и журналы и уничтожать уже напечатанныя книги, если онѣ покажутся особенно подозрительными При этомъ цензура, какъ мы сказали уже выше, все это дѣлаетъ безъ всякаго суда и слѣдствія.

Такимъ образомъ, при существованіи цензуры, ни въ газетахъ, ни въ журналахъ или книгахъ въ большинсквѣ слу-

чаевъ почти ничего нельзя писать про злоупотребленія со стороны начальствующихъ лицъ, про ихъ неправильныя дѣйствія про ихъ самоуправство, ошибки, казнокрадство и пр., однимъ словомъ ни въ чемъ нельзя обличать начальствующихъ лицъ, ничего нельзя выводить наружу, на свѣтъ божій! Начальствующія лица могутъ совершать всякія нарушенія законовъ, всякіе проступки и даже преступленія, и все это при существованіи цензуры можетъ быть скрыто ото всѣхъ, ни про что народъ знать не будетъ. Только при полной свободѣ печати всякое дурное дѣло будетъ всплывать наружу, кто-бы это дурное дѣло ни совершилъ, простой-ли рабочій, мелкій-ли чиновникъ, или полицейскій, или кто-либо изъ министровъ; а вѣдь всякое дурное дѣло такъ любитъ потемки и такъ боится свѣта!

Легко видѣть, какой громадный вредъ приноситъ государству такая опека надъ умами жителей, какъ затрудияетъ она распространеніе образованія.

Наибольшей свободой печать пользуется опять-таки въ Англіи. Тамъ, какъ говоритъ Водовозовъ, за каждымъ гражданиномъ признается право печатать, издавать и продавать листки, газеты, журналы, книги совершенно такъ же, какъ право выдѣлывать и продавать спички или ваксу. За злоупотребленіе этимъ правомъ, напримѣръ: за клевету или оскорбленіе, за подстрекательство къ совершенію преступленія и пр., виновный въ томъ привлекается къ суду, и именно къ суду присяжныхъ, т. е. къ тому же суду, какъ и за всякія другія преступленія. Слѣдовательно, и здѣсь не „начальство“, а само общество чрезъ присяжныхъ засѣдателей судитъ за преступленіе печати, за злоупотребленіе печатнымъ словомъ. Никакимъ инымъ властямъ такихъ правъ не дано, никакія другія власти не имѣютъ никакого касательства къ печатному дѣлу, т. е. къ печатанію, изданію и продажѣ листковъ, газетъ, журналовъ и книгъ. Нечего и говорить про то, что тамъ всякій можетъ читать и держать у себя какія угодно книги, можетъ какіе угодно листки, газеты или книги раздавать кому угодно и въ какомъ угодно количествѣ; во всякихъ библіотекахъ и читальняхъ общественныхъ и частныхъ, городскихъ, сельскихъ

также могутъ держать и выдавать, какія угодно, газеты и книги. Никому и въ голову не приходитъ, что, напримѣръ, тѣ или иные листки или книги могутъ быть вредны крестьянамъ, и потому ихъ надо отбирать у крестьянъ и наказывать тѣхъ, у кого книжки нашлись или кто ихъ раздавалъ.

4. Свобода обученья.

Свобода обученья состоитъ въ томъ, что всякій можетъ свободно открывать школы и учить въ этихъ школахъ чему угодно по какимъ угодно книгамъ и учебникамъ, лишь-бы это не противорѣчило законамъ или нравственности; если-же въ школахъ окажется что-либо противозаконное и безнравственное, виновный подвергается все той же судебной отвѣтственности, т. е. опять-таки судитъ не начальство, а само общество чрезъ присяжныхъ засѣдателей.

Наряду съ этимъ въ школахъ совершенно свободно могутъ устраивать чтенія о какихъ угодно предметахъ и по какакимъ угодно книжкамъ; при школахъ, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, могутъ совершенно свободно открываться библіотеки, причемъ въ этихъ библіотекахъ можно имѣть какія-угодно книги, безъ всякихъ ограниченій. И на все это ни въ какихъ случаяхъ не требуется ни предварительнаго, ни послѣдующаго разрѣшенія властей.

5. Свобода союзовъ, собраній и слова.

Наибольшей свободой союзовъ, собраній и слова опять таки пользуются англичане.

Въ Англіи могутъ образовываться совершенно свободно всякаго рода союзы и общества; для устройства ихъ не требуется разрѣшенія или согласія какихъ бы то ни было властей; никто, никакое „начальство“ не можетъ запрещать отдѣльнымъ лицамъ вступать въ какіе бы то ни было общества или союзы. Если дѣятельность какого-либо союза или обще-

ства окажется противозаконной или безнравственной, то члены союза или общества подлежатъ суду гласному; и помимо суда никакое „начальственное“ лицо даже министръ не могутъ подвергнуть союзъ или общество какимъ бы то ни было стѣсненіямъ и тѣмъ болѣе закрыть его; только по постановленію суда присяжныхъ, союзъ или общество могутъ быть закрыты, если дѣятельность его будетъ признана судомъ противозаконной или безнравственной. Наряду съ этимъ, въ свободной странѣ могутъ совершенно свободно устраиваться стачки, и лишь въ томъ случаѣ, когда стачка сопровождается буйствомъ, порчей и уничтоженіемъ чужого имущества, стачечники подлежетъ уголовной отвѣтственности и судятся все тѣмъ же судомъ присяжныхъ.

Англичане, къ какому-бы сословію они не принадлежали, могутъ собираться совершенно свободно въ какомъ-угодно количествѣ и для обсужденія какихъ угодно, частныхъ и общественныхъ вопросовъ; при чемъ могутъ собираться не только въ домахъ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но и на открытомъ воздухѣ, на площадяхъ, въ садахъ. Нерѣдко бываютъ собранія, или, какъ ихъ тамъ называютъ, митинги въ 10.000 человѣкъ и болѣе; разумѣется такія большія собранія возможны лишь на открытомъ воздухѣ. Наряду съ этимъ англичане совершенно свободно могутъ устраивать уличныя шествія, уличныя процессіи.

На собраніяхъ такъ же какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, каждый англичанинъ можетъ говорить совершенно свободно; нѣтъ такихъ предметовъ, о которыхъ англичанинъ не имѣлъ-бы права говорить въ собраніяхъ или печати; совершенно свободно могутъ обсуждаться поступки лицъ, занимающихъ самыя высокія должности въ государствѣ; совершенно свободно могутъ высказываться имъ порицанія. Лишь предъ судомъ присяжныхъ отвѣчаетъ англичанинъ за преступное содержаніе своихъ рѣчей.

На собранія могутъ съѣзжаться люди изъ самыхъ различныхъ городовъ и даже со всѣхъ концовъ государства; иначе говоря, совершенно свободно могутъ устраиваться всякаго рода съѣзды для обсужденія какихъ угодно дѣлъ. Само

собой разумѣется, что тамъ для какихъ-бы то ни было собраній или съѣздовъ нѣтъ надобности спрашивать разрѣшенія или согласія властей. Если собраніе или съѣздъ происходятъ въ закрытомъ помѣщеніи, то полиція можетъ войти въ помѣщеніе лишь по требованію устроителей этого собранія, т. е. по требованію самихъ собравшихся; ни при какихъ иныхъ условіяхъ полиція въ помѣщеніе собранія войти не можетъ (какъ мы видѣли раньше, въ частное жилище полиція не имѣетъ право войти даже по требованію хозяина, а только лишь по постановленію судебной власти, въ случаѣ совершившагося какого-либо преступленія).

Совсѣмъ не такъ было у насъ, до послѣдняго времени. Всякія общества, союзы, собранія были большею частью подъ строгимъ запретомъ. Чтобы устроить собранія, нужно было просить разрѣшеніе, подавать о томъ прошеніе, долго ждать отвѣта, и зачастую на прошеніе слѣдовалъ отказъ безъ объясненія причинъ. На собраніи присутствовала полиція, и полицейскій чиновникъ могъ остановить каждаго говорившаго, могъ запретить обсуждать тѣ или иные вопросы, могъ наконецъ, закрыть собраніе. Еще труднѣе было устроить какое-либо общество; нужно было не только разрѣшеніе на открытіе общества, надо было сначала составить уставъ общества и подать его на разсмотрѣніе начальства. Начальство разсматривало уставъ, измѣняло его такъ, чтобъ всячески сузить дѣятельность общества; все это тянулось долго. Если общество разрѣшалось, за нимъ устанавливался строгій надзоръ; и такимъ образомъ дѣятельность общества крайне стѣснялась и уставомъ и надзоромъ. Еще труднѣе разрѣшались союзы отдѣльныхъ обществъ (напр. потребительскихъ); тутъ уже почти всегда отказывали совсѣмъ, такъ какъ прежнее правительство болѣе всего боялось всякихъ объединеній.

Въ 1833 году въ Англіи полиція получила приказъ разогнать одно собраніе, бывшее въ закрытомъ помѣщеніи; а какъ разъ то было время большихъ безпорядковъ по всей странѣ. Собравшіеся на сходку оказали полиціи сопротивленіе, причемъ нѣсколько полицейскихъ было ранено ножами, а одинъ убитъ. Это вызвало всеобщее негодованіе по всей Англіи...

но на кого негодованіе? На тѣхъ кто убилъ и ранилъ полицейскихъ чиновниковъ? Нѣтъ, негодовали всюду именно на полицію, которая осмѣливалась войти въ помѣщеніе, гдѣ происходило свободное собраніе. Убившіе и ранившіе полицейскихъ были привлечены къ суду, но судъ присяжныхъ ихъ оправдалъ, такъ какъ поступокъ полиціи былъ признанъ совершенно незаконнымъ. Негодованіе на полицію по всей странѣ было такъ велико, что правительство должно было назначить особую комиссію для разслѣдованія дѣятельности полицейскихъ (Діонео); кстати сказать, полиціи въ Англіи въ настоящее время находится на службѣ не у правительства, а а у земскихъ и городскихъ управленій, и, значитъ зависитъ отъ самого же населенія и такимъ образомъ полицейскіе чиновники суть простые земскіе и городскіе служащіе.

Но и въ собраніяхъ подъ открытомъ небомъ полиція наблюдаетъ лишь за порядкомъ и ни во что больше не вмѣшивается.

Діонео такъ описываетъ собраніе (митингъ) подъ открытымъ небомъ въ одномъ изъ большихъ лондонскихъ садовъ. Въ разныхъ мѣстахъ стоятъ ораторы *). Каждаго изъ нихъ окружала толпа. Одинъ объясняетъ священное писаніе; другой обличаетъ господствующую въ Англіи церковь, третій доказываетъ, что никакой религіи совсѣмъ не нужно.

Дальше ораторъ нападаетъ на англійскаго короля, доказываетъ, что король царствуетъ не по праву, что царствовать въ Англіи долженъ совсѣмъ другой королевскій домъ. А рядомъ подъ большимъ краснымъ знаменемъ ораторъ нападаетъ на весь теперешній государственный порядокъ и объявляетъ скорый конецъ этому порядку. Въ толпѣ кое-гдѣ стоятъ полицейскіе съ ихъ палками (никакого другого оружія, кромѣ палки, полицейскіе не имѣютъ права носить при себѣ) и наблюдаютъ лишь за тѣмъ, чтобы кто-нибудь въ толпѣ не вздумалъ освидѣтельствовать чужихъ кармановъ; имъ

(* Ораторомъ называютъ того, кто говоритъ въ собраніи передъ собравшимися.

совершенно нѣтъ никакого дѣла до того, что тамъ говорятъ эти ораторы.

Такова свобода собраній и слова въ свободныхъ странахъ

Всѣ эти права—свобода личности, совѣсти, печати, обученія, слова, собраній, союзовъ, стачекъ — въ свободныхъ странахъ считаются неотъемлемой принадлежностью всѣхъ гражданъ. Никто не можетъ запретить обсуждать и порицать публично дѣйствія правительства. Никакое должностное лицо, ни даже министръ не могутъ ограничивать чьи-либо права, а тѣмъ болѣе лишать права; не могутъ, слѣдовательно, заключать подъ арестъ, устраивать обыски въ домахъ, ограничивать торговлю книгами, запрещать писать въ газетахъ и журналахъ о тѣхъ или иныхъ предметахъ и событіяхъ, запрещать обсуждать и обличать дѣйствія правительства, тѣхъ или иныхъ книгъ, газетъ и журналовъ изъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ, запрещать тѣ или другія газеты, журналы въ трактирахъ, чайныхъ, пивныхъ, запрещать собранія, преслѣдовать сектантовъ и иновѣрцевъ, запрещать имъ совершать богослуженія и обряды и т. д., и т. д. Если же въ какомъ либо изъ такихъ случаевъ будетъ совершено что-либо преступное, то виноватый подлежитъ судебной отвѣтстенности, при чемъ за всякое сколько-нибудь важное преступленіе подлежитъ суду присяжныхъ. Всѣ дѣла по преступленіямъ печати, по преступленіямъ госуоарственнымъ, политическимъ подлежатъ суду присяжныхъ безъ всякихъ исключеній. Съ другой стороны, всякій чиновникъ, полицейскій, вообще всякое должностное лицо, будь то хоть самъ министръ, за свои преступленія и проступки, за злоупотребленія властью, за нарушенія правъ гражданъ подлежитъ тому же суду, суду присяжныхъ. Если какое либо должностное лицо нарушило чьи-либо права, причинило кому-либо тотъ или другой вредъ, то потерпѣвшій имѣетъ право привлечь того чиновника или полицейскаго къ суду, къ тому же самому суду присяжныхъ.

Но вѣдь можно было-бы думать, что въ такихъ случаяхъ

судья скорѣе приметъ сторону начальства, сторону должностного лица? Однако въ дѣйствительности, и въ особенности въ Англіи суды обыкновенно рѣшаютъ такія дѣла вполнѣ безпристрастно, не обращая вниманія на то, привлекается-ли къ отвѣтственности министръ или какой-либо мелкій чиновникъ, не обращая вниманія на то, является-ли потерпѣвшимъ какой-либо съ большими связями или простой рабочій. И зависитъ это отъ слѣдующихъ причинъ: всѣ сколько нибудь важныя дѣла, безъ всякихъ изъятій, рѣшаются, какъ мы уже упоминали, судомъ присяжными, выборными по жребію изъ народа; при этомъ всякій гражданинъ, хотя бы то былъ рабочій или крестьянинъ, имѣетъ право быть присяжнымъ засѣдателемъ; никто не можетъ быть исключенъ изъ списковъ присяжныхъ, каково бы ни было его происхожденіе, его имущественное или общественное положеніе, его національность. Но кромѣ того, судьи находятся въ положеніи, независимомъ отъ правительства. Правительство не имѣекъ права уволить судью, даже перемѣстить его съ одного мѣста на другое безъ его согласія, не можетъ уменьшить его жалованья. Въ томъ же случаѣ, если судья совершилъ какое-либо преступленіе по должности, онъ подлежитъ суду присяжныхъ и, слѣдовательно, можетъ быть удаленъ отъ должности лишь по постановленію суда. Когда судья вступаетъ въ должность, онъ даетъ присягу въ томъ, что ни при какихъ условіяхъ онъ не будетъ принимать какихъ-либо приказаній или внушеній со стороны, хотя бы отъ самого короля. Наконецъ, мировые судьи въ городахъ въ большинствѣ случаевъ выбираются самимъ населеніемъ. Все это дѣлаетъ положеніе судьи вполнѣ независимыъ, и правительство ничего не можетъ сдѣлать тому судьѣ, который ведетъ дѣла не такъ, какъ это угодно было-бы начальству, который не допускаетъ какихъ либо снисхожденій сильнымъ міра сего.

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ".

Серія народныхъ брошюръ на политическія темы момента.

1. Великіе дни. *А. М. Шубертъ.*
2. Какъ старая власть довела Россію до революціи. *К. В. Сивковъ.*
3. Николай II и его слуги. *В. Е. Сыроѣчковскій*
4. Временное правительство. *Б. Е. Сыроѣчковскій.*
5. Амнистія и борцы за свободу. *М. А. Осоргинъ.*
6. Учредительное собраніе. *М. В. Вишнякъ.*
7. Всеобщее избирательное право. *Е. М. Побѣдина.*
8. Равноправіе женщинъ. *Е. Д. Кускова.*
9. Передъ выборами.
10. Свободные граждане въ свободныхъ странахъ. *Н. А. Кабановъ.*
11. Особыя положенія и особые суды. *Я. Л. Берманъ.*
12. Республика или монархія? *Т. П. Полнеръ.*
13. Отвѣтственное министерство. *Н. П. Губскій.*
14. Одна или двѣ палаты? *Н. А. Кабановъ.*
15. Единое государство и союзъ государствъ.
16. Польша. *Л. С. Козловскій*
17. Финляндія.
18. Война или миръ? *А. С. Буткевичъ.*
19. Война и кооперація. *Н. П. Огановскій*
20. Продовольственное дѣло. *Н. П. Огановскій.*
21. Деньги и причины дороговизны. *А. В. Пѣшехоновъ.*
22. Свободные солдаты и офицеры.
23. Крестьянскій съѣздъ. *Н. П. Огановскій.*
24. Совѣты рабочихъ депутатовъ.
25. Самоуправленіе.
26. Народное земство. *Е. А. Звягинцевъ.*
27. Мелкая земская единица или волостное земство. *Е. А. Звягинцевъ.*
28. Полиція и милиція. *П. В. Всесвятскій.*
29. Судъ и наказаніе. *П. В. Всесвятскій.*
30. На чемъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ царей. *В. Н. Перцевъ.*
31. Пѣсни свободы. *И. Н. Розановъ.*

Цѣна выпуска 15—20 коп.

Земствамъ, кооперативамъ, партійнымъ и общественнымъ организаціямъ скидка 30%; при массовыхъ заказахъ—скидка по соглашенію.

МОСКВА, м. Никитская, 29, отд. въ Петроградѣ: Кн-во „Огни“, [illegible] Фонтанка, 80.

Цѣна 15 коп.